

Глава 11

Лу Вэньчжи и Лу Сусу, совершенно очарованные красотой Се Фэнсина, за обедом буквально не давали прохода Го Сяочуаню, засыпая его вопросами о друге.

Сяочуань, не упустив случая прихвастнуть, соловьём разливался, расхваливая Фэнсина:

— На недавнем этапе лиги «Субэнь» в Бэйчэне он взял золото! И знаете, кого он обошёл? Самого Сун Юя!

Это известие заставило даже Лу Мина и Лу Бэня на мгновение отвлечься от еды.

— Вот как? — Лу Мин с интересом поднял брови.

— Да ладно, — фыркнул Лу Бэнь, недоверчиво кривя губы. — Быть не может, чтобы он обставил Сун Юя. Свистишь и не краснеешь.

Сяочуань лишь одарил его пренебрежительным взглядом и холодно бросил:

— Можешь спросить у старшего брата Чи. Он лично вручал Фэнсину кубок.

Лу Бэнь, не желая лишний раз обращаться к Лу Чи, принялся ожесточённо ковырять креветки в своей тарелке. Лу Мин же повернулся к племяннику:

— Это правда?

— Хм, — коротко подтвердил Лу Чи.

— Значит, парень и впрямь чертовски талантлив, — заключил Лу Мин.

Цзян Циньфан задумчиво добавила:

— Раньше я никогда не слышала имени Се Фэнсина. Он новичок? На вид ему не больше восемнадцати.

В автоспорте редко случаются «небесные знамения» — здесь принято карабкаться к вершине с самого детства, шаг за шагом. Корпорация «Субэнь» уже несколько лет вкладывалась в гонки и знала всех мало-мальски значимых пилотов, как отечественных, так и зарубежных. Однако имя Фэнсина в их списках не значилось.

Наступила неловкая тишина: Лу Чи даже не подумал поддержать разговор. Лицо Цзян Циньфан на мгновение застыло. Го Сяочуань, почувствовав напряжение, поспешил вмешаться:

— Его семья — те самые «короли электроники», Се.

— Разве у Се не один сын, Се Вэй? — уточнила Цзян Циньфан.

— Се Вэй — приёмный. А Фэнсин — единственный наследник по крови, — выпалил Сяочуань.

Лишь произнеся это, он осознал, насколько двусмысленно прозвучали его слова в этом окружении. Ситуация была донельзя острой, и он невольно покосился на мачеху Лу Чи. Цзян Циньфан сохраняла непроницаемое выражение лица, а вот Лу Бэнь помрачнел — видимо, решил, что Сяочуань намеренно лезет на рожон.

«Видит бог, я не хотел! — мысленно оправдался Сяочуань. — Просто те, кто занял чужое место, вечно чувствуют подвох там, где его нет!»

— Об этом младшем сыне Се действительно мало что слышно, — подал голос Лу Мин. — На что он способен на самом деле, увидим в финале.

Лу Чи хранил молчание до конца трапезы. Было очевидно, что он недоволен самоуправством Сяочуаня, притащившего всю семью без предупреждения. Лишь благодаря болтливости Го и стараниям Лу Вэньчжи, которая была для отца самой заботливой дочкой, обед прошёл относительно мирно.

После еды Лу Мин отозвал Лу Чи на балкон второго этажа.

С этого ряда вилл открывался великолепный вид. Солнце уже скрылось за горизонтом, оставив после себя лишь кроваво-красную полосу заката. Сизые облака громоздились над водой, гонимые свежим бризом. Се Фэнсин, только что закончивший ужинать, дремал в шезлонге неподалеку и невольно стал свидетелем чужого разговора.

«Ого, — подумал Се Фэнсин. — Кажется, я нечаянно подслушал классическую семейную драму».

— Да что с тобой такое?! — донёсся резкий голос Лу Мина. — Семья приехала пообедать с тобой, а ты сидишь с такой миной, будто тебе все должны. Разве я не говорил, что если хочешь управлять делами компании, ты обязан наладить отношения с тётушкой Цзян? Как ты собираешься работать дальше с таким подходом?

— Я не просил тебя устраивать этот балаган, — отрезал Лу Чи.

— Я же стараюсь, прокладываю тебе путь!

— Путь ты прокладываешь себе, — в голосе Лу Чи зазвенела сталь. — Всем и так ясно, что ты просто хочешь откусить кусок от власти семейства Цзян. Советую не спешить: она не дура и прекрасно видит твои дешёвые трюки.

«Все моё — это твоё, — продолжал Лу Мин. — А доля твоей мачехи наверняка отойдёт твоему младшему брату. Если я борюсь, то только ради твоего будущего!»

— Избавь меня от этих речей.

— Стоять! — рявкнул Лу Мин. — В кого ты уродился таким невыносимым? Что за мертвецкий нрав?!

— Нрав покойника? — Лу Чи усмехнулся, и эта усмешка была страшнее крика. — Очевидно, он и достался мне от покойницы.

«Ничего себе... — Фэнсин не ожидал, что Лу Чи может быть настолько беспощаден в словах».

— Ты думаешь... думаешь, твоя мать хотела бы видеть тебя таким? Перестань вечно прикрываться её именем! Да, я виноват перед ней, но перед тобой я чист! Ты прекрасно знаешь, почему я женился на Цзян Циньфан. Больше я не намерен тратить время на эти пустые споры. Ты уже не ребёнок — иди и хорошенько подумай над моими словами.

За стеной воцарилась тишина.

«Милый...» — подала голос Сяо Ай.

«Такой накал страстей, — отозвался Фэнсин. — Он определённо главный герой этого сюжета».

«Правда? Даже проверять не нужно!»

«Будем наблюдать внимательнее», — решил Фэнсин.

Он поднялся, собираясь уходить. Финал лиги должен был состояться в Наньчэне, и ему нужно было подготовиться. Он предупредил Сяочуаня, но тот отмахнулся:

— Подожди секунду, я тут со счетами сверяюсь.

— Занимайся делом, я сам доеду.

Се Фэнсин вышел к машине и, уже взявшись за ручку двери, заметил Лу Чи. Тот стоял у обочины и курил. Одинокая фигура под светом фонаря выглядела отчуждённо и холодно, от неё веяло подавленным гневом.

Фэнсин вспомнил их недавнюю перепалку. Поколебавшись мгновение, он захлопнул дверь и направился к собеседнику.

— Босс Лу.

Лу Чи обернулся и затушил сигарету:

— Уезжаешь?

Се Фэнсин кивнул:

— Почему вы здесь один?

— Вышел проветриться.

— Свежий ветер лучше искать у берега, — заметил Фэнсин. — Прогуляемся?

— Ты разве не спешил? — спросил Лу Чи.

— Не горит.

Се Фэнсин первым зашагал к пляжу. Пройдя несколько метров, он оглянулся: Лу Чи последовал за ним.

Солнце окончательно погасло, но на небе уже взошла луна. На побережье было многолюдно; ветер гнал на берег пенные валы. Се Фэнсин сбросил обувь и пошёл по песку босиком.

«Хозяин, ты уже начал выполнять задание?» — засуетилась Сяо Ай. — «Я ещё не до конца прояснила детали миссии, советую не пороть горячку».

«Каким бы ни было задание, — мысленно ответил Фэнсин, — лишняя порция симпатии с его стороны мне не повредит».

«А если тебе придётся стать его врагом?»

«Тем лучше. Ненависть на почве любви — самая острая», — парировал Фэнсин.

«Жаль, ты не видишь, как я сейчас подняла большой палец вверх, — хихикнула Сяо Ай. — Ты жесток».

«Тебе не кажется, что Лу Чи сейчас выглядит... довольно жалко?»

«Жалко? — хмыкнула система. — Обычные семейные дразги, у кого их нет? У тебя, кстати, тоже. По-моему, он тебе просто приглянулся».

«Приглянулся? Это как?» — уточнил Фэнсин.

Сяо Ай лишь рассмеялась и замолкла.

«Ладно, скажу честно, — добавил Фэнсин. — Я просто вспомнил те шрамы на его теле».

Те отметины явно остались со времён его службы. Что бы ни ждало их в будущем, сейчас юноша испытывал к нему уважение. Фэнсин всегда преклонялся перед теми, кто проливал кровь за свою страну.

Он посмотрел на море и негромко произнёс:

— Какая огромная луна. И сразу две.

Лу Чи посмотрел на него. Фэнсин указал рукой:

— Одна в небе, другая в море.

В голове всплыли строчки: «Луна на море — та же, что и в небе».

Ночной ветер растрепал его волосы, и в этот миг Фэнсин казался совсем юным и хрупким. В оригинальном стихотворении следующая строка гласила: «А человек передо мной — тот, кто в моём сердце». В этих словах таился намёк на близость, но из уст Се Фэнсина они прозвучали так отстранённо и холодно, что заподозрить его в кокетстве было невозможно.

Казалось, само присутствие Фэнсина и влажное дыхание океана утомили раздражение в душе Лу Чи. Он взглянул на два серебристых диска. Луна в вышине была неподвижна и безмолвна, а та, что отражалась в воде, дробила и мерцала в такт волнам.

— Как подготовка к гонке? — спросил Лу Чи.

— Я совершенно точно заберу первое место, — спокойно ответил Фэнсин.

Лу Чи уже начал привыкать к его непоколебимой, почти дерзкой уверенности.

— В прошлый раз Сун Юй не показал и половины того, на что способен, — предостерёг он.

— Я тоже, — Фэнсин перевёл на него взгляд.

Лу Чи невольно улыбнулся:

— Что ж, верю.

— Вы совсем не похожи на бывшего спецназовца, — вдруг заметил Се Фэнсин.

Лу Чи хмыкнул:

— Ты многовато обо мне знаешь.

— Сяочуань проболтался.

— И почему же не похож?

— Слишком уж вы замкнуты. Я думал, военные — люди яростные и скорые на расправу.

— Я не могу позволить себе ярость по отношению к тебе, — тихо рассмеялся Лу Чи.

— А зря. Стоит быть пожестче с остальными. Не позволяйте вытирать о себя ноги. Если нужно — бейте первым.

Лу Чи остановился и внимательно посмотрел на него. В лунном свете его фигура казалась ещё более статной: короткая стрижка «ёжиком», резко очерченные скулы, прямой, как клинок, нос. Лицо его было правильным, но форма бровей выдавала суровый нрав. Когда он не улыбался, его взгляд напоминал взор хищника, следящего за добычей — пронзительный и предельно сосредоточенный.

Фэнсину показалось, что он сказал лишнее. Но прежде чем он успел перевести тему, Лу Чи заговорил:

— Не думал услышать от тебя такие слова. Я слышал, ты готов был наложить на себя руки из-за Сун Юя... С тех пор я не видел на твоём лице ни тени улыбки.

Се Фэнсин не ожидал, что разговор свернёт в эту сторону. Он лишь пренебрежительно повёл плечом:

— Я просто не люблю улыбаться. Сун Юй здесь ни при чём.

Лу Чи двинулся дальше по кромке прибоа.

— Вот как... А ведь раньше ты улыбался довольно часто.

Фэнсин замер на мгновение, а затем нагнал его:

— Неужели?

Он этого не помнил. О своём прошлом он мог судить лишь по сухим строчкам текста и комментариям Сяо Ай, но собственных ощущений не осталось.

— Люди меняются, — коротко бросил он.

— Уже второй раз, — заметил Лу Чи.

— Что?

— Ты уже второй раз повторяешь эту фразу.

Се Фэнсин не понимал, почему собеседник придал этому такое значение. Для него это было лишь удобное и необязывающее объяснение. Однако Лу Чи добавил:

— В твоих словах слышится глубокая печаль.

— Неужели вы и впрямь верите, что я стал таким из-за Сун Юя? — Фэнсин не удержался от ироничного смешка. — Кто он вообще такой? Меньше всего на свете я хочу, чтобы люди думали, будто он стал причиной моих перемен. До него в моей жизни было полно увлечений, и Сун Юй среди них — самый невзрачный. Я был тем ещё игроком.

— В это я охотно верю, — отозвался Лу Чи. — Как-то раз я вернулся со службы в отпуск, и ты всучил мне любовное письмо, клянясь в вечных чувствах. А через год, когда я закончил очередное задание, ты уже всю бегал за кем-то другим.

— ...

Се Фэнсин на мгновение потерял дар речи.

«Серьёзно?»

Учитывая его прежний характер, в этом не было ничего удивительного. Он был неисправимым влюбчивым романтиком и вряд ли мог пройти мимо такого мужчины. Неловко вышло. Впрочем, чувство стыда у Се Фэнсина было притуплено форматированием.

— Эх, — он засунул руки в карманы, стараясь придать голосу напускную бодрость. — У кого в юности не было постыдных эпизодов, о которых не хочется вспоминать? Босс Лу, давайте смотреть вперёд. Забудем прошлое, ладно? Сейчас я совершенно свободен от всяких желаний. Моя единственная страсть — гонки.

Лунный свет казался густым и тягучим.

— Бойкий ты на язык, — негромко произнёс Лу Чи.

В его интонации вдруг проскользнули дерзкие, почти развязные нотки — особенно в последних словах, и смотрел он при этом прямо на губы Фэнсина.

Се Фэнсин лишь вскинул бровь и, покачивая обувью в руке, зашагал дальше. Ветер продолжал трепать его волосы.

Лу Чи шёл следом. В серебристом сиянии луны песок казался белым, но ступни и шиколотки Фэнсина были ещё белее. Белее самого песка, словно выточенные из чистейшего фарфора.

«Молочно-белые», — отстранённо подумал Лу Чи.

Они прошли вдоль берега до конца пляжа, и Се Фэнсин решил, что пора возвращаться.

«Ой-ой-ой», — подала голос Сяо Ай.

«Что не так?»

«Ты сегодня на редкость разговорчив».

«И что с того?»

«Редко слышу от тебя столько слов. В конце ты специально прикинулся таким жизнерадостным?»

«Чтобы утешить человека, нужно уметь пошутить», — философски ответил Фэнсин.

«Можно спросить... Почему Лу Чи для тебя так выделяется на фоне остальных?»

«Разве выделяется?»

Фэнсин вёл машину и размышлял. Кажется, Лу Чи и впрямь вызывал у него какой-то особенный интерес. Может, дело в его статусе? Или в том, что его запутанная семейная история напоминала ему его собственные проблемы?

«Мне всё кажется, что между нами раньше что-то было», — Се Фэнсин задумчиво потер переносицу.

Ему не нравилось это чувство неопределённости.

«Это можно назвать зачатками чувств?» — спросил он систему.

«Упаси боже! Пойду-ка я проверю состояние твоего форматирования», — встревожилась Сяо Ай.

Се Фэнсин усмехнулся, но взгляд его стал задумчивым. На душе у него было спокойно, как в море после шторма. В этой тишине отражались лишь две луны — одна в небе, другая в воде.

<http://bllate.org/book/15841/1428827>